

КОВАЛЕНКО Андрей Александрович

В лагере Орлёнок был ребенком/пионером.

**Кандидат технических наук, начальник отдела РКК «Энергия»,
руководитель Центра реализации программы полета РС МКС,
доцент кафедры СМЗ МГТУ им. Баумана, начальник отдела ПАО
«РКК Энергия» им. С.П. Королева;**

Награды России

-Премия Правительства Российской Федерации имени Ю.А.Гагарина в
области космической деятельности
от 22 сентября 2021

Основание: За создание, внедрение, развитие и эксплуатацию системы
управления полетом пилотируемых орбитальных станций.
(открытые источники)

Отрядные фотографии Андрея Коваленко.

Наш отряд

лагерь Комсомольский, август 1975, 17-й отряд
Вожатые - [Бурганова Татьяна](#), [Ракова Светлана](#)

1975 год, 4 летняя смена (20 августа-21 сентября), «Орлёнок», лагерь
«Комсомольский», 17-й отряд - «Огонёк».

Слева на право.

1. Ряд

1.1. ???

1.2. ???

1.3. ???

1.4. Нарыльнев Сергей (Комсомольск-На-Амуре)

1.5. ???

1.6. ???

1.7. ???

1.8. ???

1.9. ???

2. Ряд

2.1. Вася ???

2.2. ???

2.3. ???

2.4. ???

2.5. Андрей Коваленко (Калининград)

2.6. ???

2.7. ???

2.8. Алеша Иргит (Тува)

2.9. Володя Погосян (Нальчик)

3. Ряд

3.1. ???

3.2. ???

3.3. ??? Игорь (Калининград)

3.4. ???

3.5. Костя

3.6. ???

3.7. Алеша Бахтияров (Уфа)

3.8. ???

3.9. Юра (Кубань)

4. Ряд

4.1. ???

4.2. Лена Морозова (Анадырь)

4.3. Паша

4.4. ???

4.5. Сергей Медведев (Верхотурье Свердловской обл.)

4.6. Валя (Архангельск)

4.7. ???

4.8. ???

4.9. ???

4.10. ???

Вожатые: [Ракова Светлана](#) и [Бурганова Татьяна](#).

Вот мои орлятские фотографии. Увы, это всё, что у меня осталось. Остальное всё в памяти. Я обязательно напишу всё, что помню. Жаль только, что в памяти стерлись многие имена. Увы, я лучше помню цифры, чем буквы. Наверное, это профессиональное. Оба групповых снимка сделаны в начале сентября 1975 года в «Комсомольском» на Костровой площади (теперь - площадь Миражей). 17-й отряд, 4-я смена (20 августа-21 сентября). Вожатые [Бурганова Татьяна](#), [Ракова Светлана](#). Я приехал в «Орлёнок» в составе делегации Калининградской области. Был председателем совета отряда во второй декаде смены. Ваш Коваленко Андрей.

Воспоминания/дневник

Первый день в «Орлёнке»

Ну что же, начнём, пожалуй. Трудно вспоминать то, что было с тобой 31 год назад. Когда тебе было 10 лет. Трудно, но приятно. Ибо есть, что вспомнить... Да, закончилась наша весёлая беззаботная дорога на поезде из Калининграда в Туапсе, а с вокзала в Туапсе автобус быстро домчал нас до «Орлёнка». Вот тут всё и началось. Мы вывалились дружной стайкой из автобуса и подошли к Приёмному корпусу. И притихли. Дальше была неизвестность. Всё наше веселье куда-то испарилось, как будто его сдуло тёплым морским ветром. Мы ещё не знали, что нас ждёт, но догадывались, что впереди что-то необыкновенное.

Спустя примерно полтора часа наша группа вышла через другие двери корпуса. Мы не узнавали друг друга в повседневной орлятской форме. В одинаковых клетчатых рубашках-ковбойках, зелёных шортах, каких-то нелепых белых панамах. И в, непонятно зачем выданных, серо-голубых штормовках. О походах и дождях, о вечерних огоньках в лесу или на берегу моря мы тогда и не подозревали.

Дело шло к ночи, хотелось спать, но, видимо, всем было не до нас. Мимо нас сновали вожатые в форме, шла обычная суета начала смены, когда с вокзала один за одним подходили автобусы, полные таких же, как и мы мальчишек и девчонок, которых нужно встретить, принять, распределить по отрядам. Просто наш черед ещё не пришел.

Мы сидели на крыльце и ждали, когда нас отведут в лагерь. В какой? Мы не знали, как не знали ещё, что «Орлёнок» это не один, а целых пять лагерей. С завистью смотрели на стайки ребят в шортах и голубых штормовках. Они уже провели в лагере ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, они деловито проходили мимо нас, они уже знали куда шли. У нас впереди была неизвестность...

Не знаю, как кто, а я уже совсем загрустил. Время перевалило за 11 часов вечера, ужасно хотелось спать, ощущение заброшенности и собственной ненужности давило. И вот нас окликнул высокий бородатый парень в орлятской форме с красной буденновкой на голове. «Ну что грустите? Я за вами. Добро пожаловать в «Комсомольский!». Так я впервые услышал

название лагеря, который потом будет мне сниться очень долго. Уже лет 30 снится. Мы поднялись и пошли за нашим спасителем по незнакомой дороге. Отнюдь не вымощенной желтым кирпичем. Дорога показалась длинной. Откуда-то из темноты доносился шум прибоя. Моря видно не было, но морем нас, калининградцев, в общем-то и не удивишь. В темноте угадывалась стройка. Это достраивался Дом вожатых. Наш провожатый развлекал нас по дороге. От него я узнал, что вожатых называют комиссарами, что жить мы будем в каких-то загадочных бочках, что в море будем купаться 2-3 раза в день, что тихого часа в «Орлёнке» нет, а есть ПЧМ, когда можно, в общем-то и не молчать вовсе, а лишь тихо разговаривать, чтобы не мешать соседям, что скучать не придётся, что уезжать будем в слезах, потому, что не хочется расставаться с друзьями.

Стоп! Вот этого быть не может. Что я девчонка, чтобы плакать?! В это ни я, ни все мои спутники поверить не могли. Дудки, не бывать такому. «Ничего ничего, всё впереди, скоро сами всё поймете...». И вот наконец, шлагбаум, возле которого угадывалась тень вертолёт, стоявшего на Въездной площади. Мы спустились по лестнице и оказались в «Комсомольском»... Я уже знал номер своего отряда, 17-й, мне показали куда идти, благо это было недалеко, первые домики в тени деревьев у линейки. В темноте трудно было разглядеть их форму и размер, но было понятно, что это не изделия бондарно-тарного комбината из моего родного города. Я вошёл в свою бочку и упал на первую попавшуюся кровать. Было темно, ничего не видно. Очень хотелось спать. Но больше всего я боялся проспать подъем...

...

Я проснулся от шарканья ног за стеклом окна, которое служило и дверью в торце сооружения, которой и оказалось бочкой при солнечном свете. Моя кровать оказалась у самого входа, у окна. И яркий луч утреннего солнышка не давал мне долго спать всю последующую смену. А пока, помня, что спать мы легли очень поздно и, скорее всего, проспали, я вскочил, как ошпаренный, и лихорадочно напялил на себя всю форменную одежду, полученную мной накануне. Шорты. Рубашка. Штормовка. Панама. Вроде всё. Нет, еще обувь. Теперь всё. Пулей вылетаю за дверь, на залитую солнцем палубу. Меня встречает взрыв хохота.

Оказывается, зарядка по утрам проводится на пляже и заканчивается нырянием в море. Так что я выглядел нелепо в своем полном «боевом»

снаряжении среди мальчишек и девчонок в плавках и купальниках. И, видимо, я был не один такой, ибо взрывы детского смеха раздавались с улицы, пока я лихорадочно переодевался... Наш, пока еще не слишком дружный отряд побежал на зарядку на берег ласкового тёплого моря. Так начался мой первый день в «Комсомольском». В этот день всё было в первый раз. Мы познакомились друг с другом, познакомились с комиссарами Таней и Светой, познакомились с лагерем, с его законами и правилами. Мы учились быть Орлятами. А вечером нас ждал первый вечерний «Огонёк». На тему «Расскажи нам о себе»...

Много чего было ещё впереди... Экскурсия по «Орлёнку», когда нам показали весь этот удивительный детский город. Корпуса-корабли дружин «Стремительная», «Звёздная» и «Штормовая», палатки «Солнечной», обсерваторию Лунного городка, куда я потом бегал с другом Серёжкой из Комсомольска-на-Амуре в астрономический кружок несколько раз в неделю по Космической лестнице. Ох и тяжел был подъем, но нам все было непочем. Ведь это «Орлёнок». Дом авиации и космонавтики, где меня поразили тренажеры и аллея самолетов. Школа, в которой предстояло учиться в сентябре, когда начнется учебный год. Удивительная школа, где нет домашних заданий, где учиться было потрясающе интересно, где мы учились по три дня в неделю. Почему-то больше всего запомнились уроки истории и английского языка. Об одном жалею, стерлись в памяти имена учителей. Обидно. Помню дурацкую историю, как меня на перемене заперли в кабине самолета и прозвенел звонок на урок. А я вылезти не могу. А все разбежались по классам. Невероятно, но я вылез через нишу носовой стойки шасси. Видимо, кто-то до меня уже опробовал этот путь, разобрав часть пола кабины. Вот эту историю помню. А имена учителей не помню. Очень жаль. Невероятно, но я до сих пор, спустя 31 год, помню уроки, помню ту восхитительную атмосферу гармонии между учениками и учителями, которая царила в орлятской школе. А день 1 сентября был для меня таким же ярким и радостным, как тот день, когда я пришел в первый класс. Так и остались в памяти во всех подробностях только два Дня знаний. 1 сентября 1971 года в Калининграде и 1 сентября 1975 года в «Орлёнке».

А потом был праздник в только что открывшемся Дворце культуры и спорта. Там был концерт лауреатов художественного конкурса, проводившегося в «Орлёнке». И съемки телепередачи «А ну-ка, девушки!», в конкурсах которых принимали участие вожатые, а мы были в массовке. Несколько дней наш отряд, один из двух отрядов

«Комсомольского», провел на съемках. Утреннюю линейку снимали на линейке «Звездного». Так и получилось, что за одну смену мне пришлось вести свой отряд и на линейку «Комсомольского», и на линейку «Звездного». Во время этих съемок мы познакомились с композитором Яном Френкелем, и песню «Погоня» пели под его аккомпанемент вместе с ним...

Дежурство по лагерю

К дежурству готовились ответственно. Особенно добавляло волнения известие о том, что дежурство длится сутки. Это означало, что некоторым, в том числе и мне, предстояла первая в жизни бессонная ночь. Бессонная не потому, что спать не хочется, а потому, что спать нельзя. Сколько еще таких ночей будет в жизни, когда нельзя уйти и лечь спать, потому что этого требует долг. Разве мог я тогда, 10-летний мальчишка, представить, что в то лето решалась моя судьба?! Да да, именно в то лето 75-го года. Ибо в тот год произошли два самых важных в моей жизни события, определившие мою жизнь. Одно из них привело меня в профессию, другое научило осознавать себя, как личность. Что может быть важнее в жизни? Но обо всем по порядку. Дежурство по лагерю. Это не только помощь в столовой по накрыванию столов, по наведению порядка после приема пищи. Это еще дежурство по штабу, по территории. Это круглосуточные посты на въезде у шлагбаума, на границах пляжа, на Костровой площади, где надо было поддерживать небольшой костер. Идешь по ночному лагерю, шум моря прерывается резкими криками ночных птиц, таинственными шорохами, доносящимися из зарослей по обе стороны дороги. Темно. Страшно. Но надо идти. Сначала к «Костровой», потом на пляж. Надо провести своих ребят, которые несут вахту. С дежурством мы справились. И ночь выстояли. И костерок на площади не погас. Не зря мы назвали свой отряд «Огоньком». Огоньки горели в наших детских сердцах. И даже защитили любимый пляж «Комсомольского» от вторжения непрошенных гостей поздним вечером. Правда, оказалось, что «вторгались» вожатые из «Штормового», которые после отбоя шли в гости к друзьям в комиссарский городок «Комсомольского». Девушки были ошеломлены напором пацанят, которые честно исполняли свой долг и не

пускали в лагерь «посторонних». Когда разобрались, в чем дело, хохоту было на весь пляж... Я краснел от смущения так, что мое лицо слилось по цвету с буденновкой. Я тогда сделал для себя один вывод: если носишь форменную одежду, то нельзя нарушать правила ее ношения. Иначе свои не узнают. И еще. Хоть ты большой, хоть маленький, но делай, что должен и тебя поймут. Ведь это самое важное, чтобы окружающие тебя понимали. В общем, дежурство было одним из значимых событий, которое запомнилось. С ним была связана еще одна «шпионская» история. Если кто помнит, в 70-х на въездной площади «Комсомольского» стоял вертолет. На самом краю площади, у обрыва к морю. Вполне себе боевая машина, Ми-4. Состояние его было не очень, изрядно ему доставалось от любопытных мальчишек. Мы им очень гордились, так как у других лагерей такого чуда не было. Тут с нами мог конкурировать, разве что только морской зенитный автомат у пирса возле «Штормового», но куда ему было против нашего вертолета. И вот однажды (кажется, через несколько дней после дежурства) пацаны нашего отряда нашли в траве на склоне два рюкзака. Чем-то плотно набитые. Воображение сразу нарисовало тревожную картину, как неизвестные спрятали снаряжение на границе лагеря. Явно замышляя что-то недоброе. Сообщили о своей находке комиссарам, те куда-то позвонили по телефону из штаба. Таинственные рюкзаки осторожно перенесли в отряд, положили их на палубу, до приезда пограничников. В то время в нашей стране еще не знали, что незнакомые предметы ни в коем случае трогать нельзя. Весь отряд был взволнован, все перешептывались, на тех, кто нашел рюкзаки, смотрели как на героев. Но режим превыше всего, нас разогнали по бочкам на ПЧМ. Сразу после окончания ПЧМ я заметил, что по трапу на палубу поднимаются люди в камуфляжных комбинезонах. Оказалось, что прибыли ребята из «Дозорной» посмотреть на нашу находку. В общем, когда со всеми предосторожностями открыли рюкзаки, оказалось, что они... набиты сухой травой. На этом и закончилась наша «шпионская история». Спросите, при чем тут вертолет? Да все очень просто. Вертолет-то был военный. В кабине экипажа вместо удобных кресел пилотов были алюминиевые чашки с нишами для парашютов. Без парашютов в них сидеть невозможно. Вот кто-то и приспособил два мешка с сеном вместо парашютов. А потом выкинул их в траву... такая вот история. А что за события, которые определили мою жизнь летом 75-го года? Это совместный полет в Космос по программе ЭПАС (экспериментальный полет Аполлон-Союз). И поездка в «Орлёнок». Во время ЭПАС по нашему телевидению впервые показали тех, кто работает в Центре управления полетом, тех, кто день за днем испытывает космическую технику. Одного

из них я запомнил, запомнил его фамилию. Следил за его выступлениями по телевизору во время последующих полетов. Прошли годы. Я закончил школу, потом институт. И пришел работать в отдел к тому человеку, которого я впервые увидел летом 1975 года на телеэкране. А недавно принял от него этот отдел. Иногда мне кажется, что эти события не зря произошли с интервалом в один месяц. Есть между ними связь какая-то...

Поход на Черепашью поляну

Поход. Мы ждали его долго. Готовились к нему заранее. И все же этот день настал неожиданно. Для меня это был поход в горы. Хотя, какие горы в Туапсинском районе. Но для того, кто вырос на берегу Балтийского моря, эти предгорья Кавказа были настоящими горами. И мысль об этом вызывала беспокойство, нараставшее постепенно. Наши комиссары, Света и Таня, начали готовить нас к походу заранее, но мы поняли это не сразу. Все началось с небольшой прогулки по таким тропам, о которых мы не догадывались. Мы шли цепочкой, друг за другом по лесам, карабкались вверх, спускались вниз по осыпающимся склонам. Получили первые уроки как надо двигаться по горным тропкам. Самое смешное, что при этом мы просто ходили вокруг «Комсомольского». Вошли в лес где-то за Эстрадой. Обогнули Комиссарский городок. И вышли на дорогу к строящемуся Дому вожатых.

Потом был однодневный турслёт. В живописном ущелье. Его называли Золотой щелью. Не знаю как там было на счет желтых листьев осенью, но в этот сентябрьский денек оно было темнозеленое от моря листвы. Чтобы попасть в ущелье надо было выйти с территории «Орлёнка». Мы вышли отрядной колонной из «Комсомольского», прошли извилистой дорогой мимо «Штормового», пересекли стадион, и вместо Приемного корпуса направились к школе. Это было непонятно, так как дорога к въездному шлагбаума вела не в ту сторону. Оказалось, что есть другой путь за пределы лагеря. Интересно, сохранился он сейчас или нет? Это была обычная труба под дорогой. Одним своим концом она была в «Орлёнке». Другой конец был за его пределами. Вот уж, воистину, познание «Орлёнка» может быть бесконечным, как познание Вселенной.

Наша колонна вытянулась длинной лентой, которая втягивалась в трубу в лагере. И на выходе из трубы мы попадали прямо в лес. Звенела горная

речка. Не помню, были ли комары, но нам, мальчишкам, точно было не до них. Мы кинулись ловить крабов, которые ползали по каменистым берегам речушки. Ловили, рассматривали, отпускали. Я тогда в первый раз увидел живого краба. Как-то не попадались они мне на берегах Балтики. Пройдя несколько сотен метров по тропе, мы оказались в туристическом раю, где нас учили начальным навыкам туристов: ставили палатки, разжигали костры, учили распознавать ядовитые растения. Помню, меня удивили рассказы про траву амброзию, какая она вредная и коварная. Я вот до сих пор недоумеваю, если она такая вредная, почему же ее выбрали своей пищей олимпийские боги? Может быть потому, что их не учили в ущелье Золотая щель?

Особо следует сказать о науке разжигания костров. Очень ценные сведения мы получили о разжигании и поддержанию костра. И как его складывать звездочкой, колодцем, таежный, и как разжигать с одной спички. Не могу сказать, что в дальнейшем я много пользовался полученными познаниями. Но, пожалуй, один вид костра я использовал потом в приполярной тайге, когда работал в студенческих стройотрядах в Коми АССР. Так что навыки пригодились в жизни. Не пригодились они в походе, в который мы пошли на следующий день. Поход оказался однодневным, но от этого он не стал слишком легким. Пришлось карабкаться по руслу той самой речки, которая текла в ущелье. Мы поднимались цепочкой куда-то в гору. По колено, а кое-где и по пояс в воде. Была поставлена цель - подняться на гору, к неведомой Черепашьей поляне. Воображение рисовало лесную поляну, на которой грелись десятки черепашек. А пока приходилось преодолевать себя. Подъем был непростым. Каменистое русло, вода, делавшая камни скользкими. Но всегда рядом были руки друга, готового помочь, поддержать, когда терял равновесие. И он всегда был уверен, что и его не оставят, когда будет трудно. Вот так мы и поднялись на эту горюшку. Недавно мне пришлось подниматься на такую же невысокую (сравнительно) гору в Пиренеях, к развалинам древнего замка альбигойцев Монсегюр. Поднимаясь на гору, я вспоминал, как в детстве мы карабкались по тропам Золотой щели. Скалистая тропка Монсегюра была очень похожа на ту, из нашего орлятского похода, не хватало только леса, потока воды и тех друзей моего детства.

Но это потом. А пока мы, тяжело дыша, поднялись на нашу первую вершину. Дошли. И с каким наслаждением растянулись на мягкой травке. Это была награда за маленькую победу. Так нам казалось в ту минуту, когда мы улыбались яркому солнцу, согревавшему нас, промокших и уставших. Наш правофланговый (жаль, не сохранилось в памяти его имя)

ни разу не выпустил из рук отрядный флажок, нес его как факел, который указывал нам путь. И это не пафос, это было серьезно для нас. И надо было видеть, как светились гордостью его глаза, когда он водрузил наше знамя на вершине! Это была победа. Мы еще не догадывались, что спускаться вниз будет труднее. В общем, я думаю, что в тот вечер вся наша команда в первый раз отправилась спать без традиционного боя подушками, от которого сотрясались стены нашей второй бочки. Пришли и попадали спать, как подкошенные. Как в первый вечер в «Орлёнке». Впрочем, в «Орлёнке» каждый вечер неповторимый. Как и утро, и день. А вот черепах на поляне я так и не увидел. Ни больших, ни маленьких. А название запомнилось.

Орлятский круг и орлятские песни.

Увы, наш отряд не был особо певучим. Но песни пели. Так как гитар у нас не было, то пели их сами, без музыки. Но от этого они не стали менее любимыми. И для каждой из них было свое время и место. «Вечер бродит» выводили мы нестройным хором на вечерних огоньках. Негромко, так как нельзя было спугнуть тишину, которая являлась нам нежным шорохом листвы, тихими всплесками волн. Мы смотрели друг другу в глаза, встав в круг, ощущая плечо друга. И в этих глазах светились искорки, искорки нашей дружбы. «Потомки Гренады» гремели, когда отряд вышагивал колонной по три, пытаясь идти в ногу... Да, диапазон пения был очень широк.

Песня занимала особое место в нашей орлятской жизни, она сопровождала нас с первой минуты, как только мы отправились на автобусе из Туапсе в лагерь, до прохода по «Лестнице слёз» под гром барабанов «Рассветного» и посадки в автобусы и отъезда. В пути, когда шли по дороге от «Комсомольского» в центральную часть «Орлёнка». И вовсе необязательно это было песня в строю. Пели просто потому, что было настроение, для себя.

В «Орлёнке» есть свои законы, законы орлятской жизни. Но там незримо присутствовал еще один, о котором не говорили, но которому всегда следовали: «Один за всех и все за одного». Может быть, сейчас это звучит

и несколько наивно, но мы жили так, и песни, такие как «Баллада о Валерке» учили нас этим законам жизни. Самое удивительно, что после того как прошли годы, я вырос, но как часто незамысловатые слова этой песни помогали принять правильное решение, сделать правильный поступок в нашей непростой жизни. «Ты обязан быть героем, если ты орлёнком стал...». Интересно, но дети сейчас поют редко. Предпочитают слушать записи через плеер. А мы пели сами.

А об орлятском круге вообще говорить сложно. Феноменальное явление. Я нигде подобного не встречал. Такого чувства единения я не испытывал нигде и никогда. Помнится, как-то, уже будучи студентом, уезжал в Ленинград по окончании каникул. И на вокзал прибыл поезд из Москвы. Из вагона высыпали ребята, и, вдруг они встали в круг, и зазвучал «Звездопад». Я стоял на другой платформе и смотрел на них, и пел с ними вполголоса. Они приехали из «Орлёнка». Как я им завидовал! По хорошему, по доброму. Они были юны и счастливы. Счастливы от того, что они вместе, они пели в орлятском кругу...

Жаль, что сейчас многие песни стерлись из памяти. И в «Орлёнке», наверное, не все эти песни поют сейчас. Увы, новое время, новые песни. Но в моём сердце навсегда останутся те, что мы пели у костра и в строю, в пути и просто в любое время, когда было хорошо на душе, или когда было трудно: «Звездопад», «Баллада о Валерке», «Город Комсомольский», «Потомки Гренады», «Вечер бродит», «Алые паруса», «Надежда», «Солнечный марш» и много-много других... В том числе и наша отрядная песня. Песня известная, «Товарищ» («Я песней, как ветром, наполню страну...»). Но мы пели еще один куплет, который сочинили орлята в «Комсомольском», еще до нас. И звучал он так: «Послушай, товарищ, хорошую весть: «Орлёнок» на свете по-прежнему есть! И вновь комиссары, как прежде, в строю, И вновь эту песню орлята поют!»

Линейка самолётов.

А интересно, какова была судьба авиапарка «Орлёнка»? Когда мы шли на первую экскурсию знакомства с лагерем, меня поразила Аллея самолетов, которая ведет мимо школы к Дому авиации и космонавтики. Они выстроились, как на аэродроме, готовые к взлету. Потом, когда начались уроки в школе, мы на каждой перемене детально изучали эти машины. Итак, чем располагал «Орлёнок» в 1975-м: вертолет Ка-15, самолет

первоначального обучения Як-18, истребители МиГ-21У (спарка), УТИ МиГ-15 (спарка), МиГ-15, самолет-амфибия Бе-12 «Чайка». А еще был вертолет Ми-4 на въездной площади «Комсомольского». О нем я писал выше.

Сколько же мальчишеского восторга вызывали эти изрядно потрепанные машины! А в вертолет Ка-15 я просто влюбился. Уже позже, став студентом авиационного ВУЗа, я узнал, что это была, в общем, не самая удачная машина. Но для меня он был и остается идеалом красоты небольшого вертолета. Интересно, что стало с орлятским экземпляром? Ведь их, практически, не сохранилось. По моим сведениям, сейчас на территории стран СНГ сохранилось всего два или три таких вертолета. А в «Орлёнке» они стояли, как на линейке аэродромной стоянки, готовые к взлёту. Нашему взлёту.

Прощальный огонёк «Расскажи мне обо мне»

Мы к нему готовились... Мы его опасались, так как каждый должен был услышать о себе всё, что о нём думают друзья. Да, друзья. Мы стали ими за эту незабываемую смену. И мы уже сознавали, что друг, это не только тот, кто приятен. От друга можно услышать и очень жесткие и неприятные слова. Но они всегда говорятся искренне и несут в себе добро. И всё же, это было испытание. В том числе и испытание дружбы. Испытание, который не каждый мог выдержать.

Мы ждали его. И грустили, так как понимали, что смена идет к концу. И этот огонёк будет прощальным... Строго говоря, только в этот вечер я осознал, что это последний вечер. И огонёк прощальный. Когда увидел на отрядном месте будёновку с приколотыми к ней орлятскими значками. Значки притягивали наши взгляды. Каждый втайне надеялся, что ему приколят к рубашке этот знак, который стал для нас символом достоинства и чести. Но всё зависело от решения отряда, от решения друзей...

Три десятилетия стёрли из памяти детали. Но я хорошо помню этот небольшой костер, который горел на нашем отрядном месте под первой бочкой нашего отряда. Это были самые первые бочки Зелёного вала,

немного в глубине от Комсомольской площади, площади линеек. Наверное, пожарные были бы недовольны, увидев такое вопиющее нарушение, но что теперь об этом говорить? Мы сидели вокруг костра, наши лица освещали сполохи пламени. Неторопливо шел разговор. По очереди обсуждали поступки друг друга, достоинства и недостатки. Наверное, было много юношеского, даже детского максимализма, категоричности, наверное, сейчас многое показалось бы наивным. Не без этого. Да так и должно быть. Но разговор был предельно искренен. Мы все доверяли друг другу. Так как можно доверять только друзьям. К концу огонька на будённовке значков не осталось. Но и не каждый приколот значок. Сейчас, когда мне уже немало лет, я думаю, что наше решение о том, что 2 или 3 сорванца не достойны носить орлятский значок было излишне категоричным. Может быть, даже жестоким. Осознание этого пришло много позже. Но увы, на то были свои причины... И всё же, это было правильно. Я убеждён в этом и сейчас. Ведь мы сами задали эту высоту планки. Планки требования к себе и к своим друзьям. И если мы решили, что должны соответствовать этому уровню, то надо было его держать. А потому те, кто не осилил эту первую высоту, не были облечены доверием отряда, этого маленького коллектива. Дошла очередь и до меня. К сожалению, я не помню, что мне было сказано. Наверное, тоже было за что краснеть. Или это были отблески костра? Не знаю. Но с этого огонька я уходил с орлятским значком и медалью. И с горящими щеками. И сердце было готово выпрыгнуть из груди. От чувства благодарности к моим родным орлятам, которые приняли меня в свою крылатую семью... Много дорог, и в прямом, и в переносном смысле, мне пришлось пройти. И нёс я орлятский значок и на куртке, и в душе. Так вышло, что свой тот значок, который я получил на прощальном огоньке, я не сохранил. Так вышло. Но позже нашёлся друг, настоящий орлёнок. Он отдал мне свой значок. И я храню его уже больше 20 лет. Храню его за двоих. Он стал для меня символом настоящей орлятской дружбы. А медаль? Медаль лежит в шкафу. Та самая. Изрядно потертая. Но дороже её у меня нет. Хотя, с тех пор у меня появились и другие, более значимые награды. Но эта была самая первая. И до сих пор она для меня самая дорогая. Ведь она хранит тепло нашего прощального огонька. Того самого, который согревал нас в тот памятный вечер под первой бочкой Зелёного вала «Комсомольского»...

Разъезд

Трудно писать об этом дне. Казалось, что он не наступит никогда. Что смена будет длиться вечно. Но вдруг наступило обычное утро, которое началось с того, что нас привели в Приемный корпус, где мы переоделись в свою одежду, приколов к ней новенькие орлятские значки. Сдали форму, к которой привыкли за месяц. И только тогда пришло осознание, что настал день расставания. Мы смотрели друг на друга и не узнавали тех, с кем на протяжении смены все время были рядом, с кем не расставались. Так нас меняла одежда. И начинали понимать, что кончается сказка. Добрая и счастливая. Все ребята притихли. В «Комсомольский» возвращались без обычного веселого щебетания. Навстречу нам шли колонны других отрядов. Увидев нас без привычной формы, в своей одежде, орлята замолкали. От этого на душе становилось еще тяжелее. Все понимали, что пришел день расставания. Когда пришли в свои бочки, появились первые слезы. Мы сидели на траве недалеко от своей бочки, записывали адреса друг друга, обещали писать письма чуть ли не каждый день. И вот прозвучало объявление об отъезде первой делегации. Все отряды заняли привычные места на линейке, зазвучал привычный марш десантников и мы прошли по линейке на свое обычное место. Казалось, все как обычно, как на каждой утренней линейке подъема флага. Не было заметно, что строй поредел, так как отсутствие 1..2 человек в каждом отряде не очень сказывалось на том, как выглядел отряд. Но было одно отличие. Рядом с вожатским отрядом «Родник» лицом к лагерю стоял отряд отъезжающей делегации, прощавшийся с лагерем. Отзвучали слова прощания, и колонна, возглавляемая уезжающими, двинулась по лестнице слез на въездную площадь, где стоял автобус... Мы поднимались по лестнице, на ходу стараясь сказать друг другу всё, что не успели сказать раньше... И вдруг барабанщики из «Рассветного» грянули Солнечный марш. Самый красивый марш с перестуком барабанных палочек. Ребята стояли двумя шеренгами на лестнице, образуя коридор, через который мы проходили к автобусу... И вот, глотая слезы горечи, говорятся прощальные слова... Автобус уехал, увозя на вокзал первую группу орлят. Оставшиеся вернулись в лагерь. Затихший, печальный. Чтобы отвлечься от грустных мыслей пошли на пляж, купаться в теплом море, загорать на ласковом солнышке. Снова зазвучал смех, мы дурачился и веселились, почти не вылезая из воды... Но вот снова заиграла музыка... Приехали новые

автобусы. И снова все повторилось. Орлятский круг, песни по заказу уезжающих, слезы прощания, выход на линейку, проход через строй барабанщиков, последние объятия возле автобусов и долгое провожание взглядом коротких колонн автобусов, исчезающих на повороте...

С каждым разом рядили наши колонны на линейке. Нас оставалось все меньше и меньше. Я остался последним из командиров отряда (кто бывал в «Орлёнке» в 70-х, тот знает, что командиры менялись каждые 10 дней). Двое других уехали одними из первых и я снова занял свое место во главе отряда, когда в очередной раз зазвучал «Звездопад» и лагерь вышел проводить очередную делегацию. И так я выходил на линейку во главе тающего на глазах отряда еще 3 или 4 раза. И вот пришел наш черед. В «Комсомольском» остались только вожатые-комиссары и делегация из Архангельска, которым выпало уезжать последними и им предстояло остаться на ночь в пустом лагере. Им и вожатым, наверное, было тяжелее всех. Не представляю, каково это быть в опустевшем лагере. Мы стояли в строю, вожатые спели на прощанье песни «Комсомольская площадь» и «Город Комсомольский»... И всё. Автобус покати по дороге на Туапсе, на вокзал. «Город из солнечной сказки» растаял в темноте... Мы попытались спеть «Шоферы Орлёнка», но ничего не вышло, песня затихла сама собой, голоса срывались... Я сидел у окна и вспоминал свой первый день в «Орлёнке». Он начинался тоже в автобусе. Но там впереди была радостная неизвестность. Впрочем, в тот момент я еще не понимал, что и сейчас впереди меня ждала совершенно иная жизнь. Совсем не та, которая была до «Орлёнка». В ней была и досада от непонимания окружающими, насмешки одноклассников, которые не могли меня понять, прекрасные встречи с орлятами из городского пионерского штаба, куда я попал вскоре после приезда из «Орлёнка»... Но это я понял только когда вернулся домой. А пока я смотрел в темное окно, за которым мелькали огоньки в темноте, слушал разговоры соседей, машинально отвечал на вопросы, скорее всего невпопад, думал о замечательных друзьях, которых больше не увижу: двое Сережек из Верхотурья (Медведева) и Комсомольска-на-Амуре (Нарыльнева), Лену Морозову из Анадыря (Лена единственная уезжала вся светясь от радости, так как её ждала встреча с мамой и папой, которых она не видела шесть месяцев. Когда её провожали, звучал смех, шутки. Она была настоящим лидером и умела увлечь за собой коллектив. Так и осталась она в моей памяти как светлый лучик оптимизма и радости), Алёшу Бахтиярова из Уфы, Алёшу Иргит из Тувы. Вожатых Свету и Таню. И многих-многих других.

И вдруг что-то накатило, и я первый раз за этот тяжелый день не сдержал

слез. Я был не одинок. «Орлёнок» не отпускал нас всех, он оставался в наших сердцах. И из этих слез, из этой грусти рождалось что-то новое, доселе мне неизвестное. «Орлёнок» нас изменил, и в этой печали мы становились другими. Мы стали лучше. Удивительным образом «Орлёнок» помог раскрыться лучшим качествам. Это было рождение личности...

Возвращение в орлятский круг

Послесловие.

Прошли годы. Орлята выросли, стали взрослыми. У них растут свои дети, они заняты взрослыми проблемами. И, казалось бы, детство осталось в далеком прошлом. И воспоминания об удивительной смене, которую ты провел в «Орлёнке» вызывают только легкую грусть. Даже самые веселые события, вроде праздника Нептуна, когда сорванцам удалось искупать в море начальника лагеря, опрокинув в морские волны его «браневик», сделанный из грузового мотороллера «Муравей». Только легкую грусть...

Но неизбежно настает день, когда вдруг начинаешь понимать, что не прошел бесследно «Орлёнок». Он продолжает тянуть к себе. И хоть тебе уже много лет, ты чувствуешь себя взрослым, состоявшимся человеком, где-то глубоко в душе в тебе сидит восторженный мальчишка. И потянуло к общению с теми, кто тебя понимает, кому знаком этот зов «Орлёнка». Дальше все просто: интернет, поиск по ключевым словам, форум на сайте, ставшим легендой. Воспоминания о милых мелочах, окружавших нас в «Орлёнке», ощущение общности и... встреча. В чём-то стихийная, в чём-то закономерная. Для меня решение прийти на встречу было непростым. Я трудно вхожу в незнакомые, новые для меня компании. Но оказалось, что нет ни скованности, ни ощущения того, что ты чужой. С первой секунды было такое чувство, что ты среди друзей. Несмотря на то, что видишь всех в первый раз. Лёгкость в общении потрясала. Когда-то давно, на прощальном огоньке вожатые нам говорили, что если ты встретишь на улице человека с орлятским значком, то всегда можешь быть уверен, что

это друг, на которого можно положиться. С тех пор прошло много-много лет. Немало иллюзий детства пришлось оставить в прошлом. И вдруг это удивительное чувство единения. С теми, с которыми связывает лишь орлятский значок. Нет, не раскрашенный кусочек металла, а Знак. Знак общности эмоций, общего прошлого (хотя оно у каждого своё и, в общем, не похожее друг на друга), бережного отношения друг к другу в настоящем. И понимание того, что слова, услышанные на огоньке сбылись. Сбылись не буквально, но от этого становилось еще теплее. Это как чудо, но из тех чудес, которые мы творим своими руками. Для себя и для окружающих. И у меня возникло чувство, что я снова стою в орлятском кругу. И слева, и справа от меня настоящие друзья. И мы смотрим в глаза друг другу. И чувствуем на своих плечах руки друзей. И не хочется снова потерять это чувство. И это не пафос, нет. Это реальность. Это уверенность, что вечерние огоньки будут греть нас искренностью общения всегда. Хочется в это верить, друзья.

Ваш Андрей Коваленко.

первоисточник: https://ars-r.narod.ru/rasskaz_kovalenko.htm

«Орленок-50», глава из книги

Андрей КОВАЛЕНКО

Андрей Коваленко в 1975 году. П/л «Комсомольский» - 17-й отряд, 4-я смена (20 августа-21 сентября). Председатель совета отряда во второй декаде смены.

СУДЬБА, КОТОРУЮ ВЫБИРАЕШЬ

Черноморские диогены* Шпионский рюкзак с травой * Черепашья поляна* «Орлёнок» на свете по-прежнему есть!»* Взлет во всех смыслах * Когда «орлята» плачут* Возвращение в круг*

Черноморские диогены

Летом 1975 года, через месяц после окончания совместного советско-американского космического полёта по программе «Союз-Аполлон», я оказался в «Орлёнке». Тогда и началось моё увлечение космонавтикой, которой я посвятил всю свою дальнейшую жизнь. Впрочем, все по порядку. Я увидел «Орлёнок» глазами 10-летнего калининградского мальчишки, но запомнил его навсегда - как удивительную страну, где очень много добра, любви и дружбы. Именно здесь я впервые ощутил себя самостоятельной личностью.

Не просто вспоминать о том, что происходило с тобой 35 лет назад.

Но если есть, что вспомнить, почему бы это не сделать?

...Дорога на поезде из Калининграда в Туапсе показалась мне веселой и беззаботной. В Туапсе уже ждал автобус, который быстро домчал нашу небольшую делегацию до «Орлёнка». Вот тут всё и началось. Мы вывалились дружной стайкой из автобуса, но, когда подошли к Приёмному корпусу, сразу притихли. Дальше была неизвестность. Всё наше веселье вдруг куда-то испарилось, как будто его сдуло тёплым морским ветром. Мы ещё не знали, что нас ждёт впереди, и от этого было немного тревожно.

Спустя примерно полтора часа наша группа вышла через другие двери корпуса. Мы не узнавали друг друга в новой форме: на всех были надеты одинаковые клетчатые рубашки-ковбойки, зелёные шорты, какие-то нелепые белые панамы... В руках держали зачем-то выданные серо-голубые штормовки. О походах и дождях, вечерних «огоньках» в лесу или на берегу моря мы тогда и не подозревали.

Дело шло к ночи, хотелось спать, но, видимо, всем было не до нас. Мимо сновали вожатые в форме, шла обычная суeta начала смены, когда с вокзала один за другим подходили автобусы, полные таких же, как и мы, мальчишек и девчонок, которых нужно было встретить, принять, распределить по отрядам. Казалось, о нас забыли. Но это, конечно, было не так - просто наш черед ещё не пришел...

Мы сидели на крыльце и ждали, когда нас отведут в лагерь. В какой? Мы не знали, как не знали еще, что «Орлёнок» это не один, а целых пять лагерей (в 1975-м году). С завистью смотрели на стайки ребят, одетых в шорты и голубые штормовки. Они деловито сновали вокруг. Эти счастливчики уже провели в лагере целый день и знали, по крайней мере, куда идти!.. Мы же по-прежнему пребывали в полной безвестности... Не скажу за других, а я, было, совсем уже скис. Время перевалило за

одиннадцать вечера, ужасно хотелось спать, ощущение заброшенности и собственной ненужности становилось невыносимым. В этот момент нас окликнул высокий бородатый парень в орлятской форме с красной буденовкой на голове. «Ну что, грустите? Я за вами. Добро пожаловать в «Комсомольский!» Так я впервые услышал название лагеря, который потом будет мне сниться в самых желанных снах. И до сих пор, можно сказать, снится...

Мы поднялись и пошли за нашим спасителем. Незнакомая, не мощеная дорога показалась мне очень длинной. Откуда-то из темноты доносился шум прибоя. Морем пахло, но видно не было, впрочем, этим чудом природы калининградских ребят не особенно удивишь. В темноте угадывалась стройка. Как выяснилось потом, это достраивался Дом вожатых.

Наш провожатый оказался словоохотливым и развлекал нас, пока шли, как мог. От него я узнал, что вожатых в «Орленке» называют комиссарами, что жить мы будем в каких-то загадочных бочках, что в море разрешают купаться по 2-3 раза в день, что тихого часа тут нет, а есть ПЧМ – «полтора часа молчания», когда можно и не молчать вовсе, а тихо переговариваться. Также он заверил, что скучать нам в этом лагере будет некогда, а когда придет неизбежное время прощаться и уезжать, то все, даже самые стойкие и невозмутимые, непременно изойдут слезами – так не захочется нам расставаться с друзьями... Стоп! Вот этого быть не могло. Я же не девчонка какая-то, чтобы вдруг разреветься... Словом, в неизбежные слезы в конце смены ни я, ни все мои спутники поверить никак не могли. Дудки, решил каждый из нас, не бывать такому!.. Мы сказали об этом нашему провожатому, но тот лишь усмехнулся: «Ничего, проживем - увидим. Впрочем, вы и сами всё скоро поймете...»

Мы тоже во всем разберемся, но наверняка не сегодня - решил каждый из нас про себя вполне примирительно. Спать уж больно хотелось... Наконец, мы подошли к шлагбауму, возле которого угадывались очертания вертолёт, отдохавшего на Въездной площади. Спустились по лестнице и оказались в «Комсомольском». Я уже знал номер своего отряда - 17-й. Мне показали куда идти, благо было недалеко - первые домики в тени деревьев у линейки. В ночном сумраке трудно было определить их форму и размер, но было ясно, что это вовсе не изделия бондарно-тарного комбината – одного из крупнейших предприятий моего родного города... Я вошёл в свою бочку, но света не было. Искать выключатель мне даже в голову не пришло. В темноте нащупал кровать и упал на первую попавшуюся – сон камнем валил с ног. Последняя мысль – не проспять бы

подъем, этого я больше всего боялся...

Проснулся от шарканья ног за окном, которое служило одновременно и дверью в торце сооружения. Так была устроена наша бочка - при солнечном свете я все хорошо разглядел. Моя кровать оказалась у самого входа - окна. Так что ранний луч утреннего солнышка не позволял мне залеживаться в постели всю последующую смену. А в то первое утро, понимая, что спать мы легли очень поздно и, скорее всего, проспали общий подъем, я вскочил, как ошпаренный, и бросился лихорадочно напяливать на себя всю форменную одежду, полученную накануне. Шорты. Рубашка. Панама. И даже штормовка... Вроде всё надел, ничего не забыл. Нет, еще обувь - сандалии. Теперь всё. Пулей вылетаю за дверь, на залитую солнцем палубу. И тут меня оглушает взрыв хохота. Оказывается, зарядка по утрам проводится на пляже и заканчивается купанием в море. Можно представить, как же нелепо я выглядел в своем полном «боевом» снаряжении среди мальчишек и девчонок в плавках и купальниках. Видимо, я оказался не первым и не последним таким несуразно одетым - взрывы детского смеха раздавались с улицы всякий раз, когда кто-то из новичков появлялся на палубе. Я же в это время лихорадочно переодевался... Вскоре наш, пока еще не слишком дружный, отряд побежал на зарядку. Проводилась она прямо на берегу Черного моря. В отличие от родного, Балтийского, вода здесь была очень теплой и ласковой - окунувшись, я испытал неопишуемый восторг. Так началась моя жизнь в «Комсомольском». В тот день всё было впервые. Мы познакомились друг с другом, с комиссарами Таней и Светой, с лагерем, его законами и правилами. Учились быть орлятами. А вечером нас ждал первый вечерний «огонёк» с традиционной для новичков темой - «Расскажи нам о себе». Я, конечно, все, что мог, честно поведал, а потом внимательно слушал своих товарищей. Так мы познакомились окончательно, и началась у нас интересная, до предела насыщенная событиями и открытиями жизнь. Во время экскурсии по «Орлёнку» нам показали весь этот удивительный детский город. Корпуса-корабли дружин: «Стремительная», «Звёздная» и «Штормовая», палатки «Солнечной», обсерваторию Лунного городка. Туда я потом часто бегал с другом Серёжкой из Комсомольска-на-Амуре - занятия в астрономическом кружке проводились по нескольку раз в неделю и производили на нас каждый раз совершенно ошеломляющее впечатление. Запомнился подъем по Космической лестнице - ох, и тяжело же пришлось поначалу... Но потом я привык, и почти взлетал наверх... «Орлёнок» - это то чудесное место, где ко всему привыкаешь и всему учишься очень быстро. И многое, очень многое при желании познаешь. Мое внимание сразу привлек Дом авиации и космонавтики - потрясли

тренажеры, восхитила аллея самолетов. Необычной оказалась и школа, куда мы пошли в сентябре, когда начался учебный год. Оказалось, что это единственное в стране учебное заведение, где детям не задают уроки на дом. Учиться было потрясающе интересно и совсем не утомительно – всего по три дня в неделю. Почему-то больше всего запомнились уроки истории и английского языка. Об одном жалею - стерлись в памяти имена учителей. Обидно. А вот дурацкую историю о том, как меня на перемене заперли в кабине самолета, а тут прозвенел звонок на урок – мне не забыть никогда. Все разбежались по классам, а я выбраться не могу. Невероятным образом все-таки исхитрился и проскользнул через нишу носовой стойки шасси. Видимо, кто-то до меня уже опробовал этот путь, разобрав часть пола кабины... Но никаких обид на сверстников не было. Ну, пошутили и пошутили – без этого в «Орленке» нельзя.

В школе царила восхитительная атмосфера гармонии между учениками и учителями. Все уроки проходили весело и увлекательно, зачастую превращаясь в увлекательную игру, поэтому звонок, возвещающий об окончании очередного урока, никогда не был для нас таким уж желанным, как скажем в обычной – домашней школе...

Еще были праздники. В только что открывшемся Дворце культуры и спорта лауреаты художественного конкурса, который проводился в «Орлёнке», дали большой концерт. Мы даже участвовали в съемках телепередачи «А ну-ка, девушки!» В конкурсах, правда, соревновались вожатые, но и мы пригодились - в массовке. Съемки продолжались несколько дней, из «Комсомольского» привлекли два отряда, включая и наш. Одну утреннюю линейку снимали в «Звездном». Вот и получилось, что за одну смену мне довелось побывать на линейках двух дружин. Во время этих съемок мы познакомились с композитором Яном Френкелем. Знаменитую «Погоню» из кинофильма «Неуловимые мстители» пели под его собственный аккомпанемент и вместе с ним...

Шпионский рюкзак с травой

К дежурству готовились ответственно. Особенно добавляло волнения известие о том, что дежурство длится сутки. Это означало, что некоторым, в том числе и мне, предстояла первая в жизни бессонная ночь. Бессонная не потому, что спать не хочется, а потому, что нельзя. Сколько еще таких ночей будет в жизни, когда нельзя уйти и лечь спать, потому что этого

требует долг... Разве мог я тогда, десятилетний мальчишка, представить, что в то лето решалась моя судьба?! Да-да, именно летом 1975 года. Ибо в тот год произошли два самых важных в моей жизни события, определившие мою жизнь. Одно из них привело меня в профессию, другое научило осознавать себя, как личность. Что может быть важнее в жизни? Но обо всем по порядку. Итак, что такое дежурство по лагерю? Это не только помощь в столовой по сервировке столов и наведению порядка после приема пищи, но и дежурство по штабу, территории.

Круглосуточные посты на въезде у шлагбаума, на границах пляжа, на Костровой площади, где надо было поддерживать небольшой костер... Тьма обязанностей - все очень важные.

И вот идёшь по ночному лагерю, шум моря прерывается резкими криками ночных птиц, таинственными шорохами, доносящимися из зарослей по обе стороны дороги. Темно. Страшно. Но идти надо. Сначала к «Костровой», потом на пляж. Непременно провести своих ребят, которые несут вахту. Так ходил-ходил всю ночь, не заметил, как она и прошла. Мы выстояли. И костерок на площади не погас - не зря все-таки назвали свой отряд «Огоньком». Нам даже удалось защитить любимый пляж

«Комсомольского» от непрошенных гостей поздним вечером. Правда, оказалось, что «вторгались» вожатые из «Штормового», которые после отбоя шли в гости к друзьям в комиссарский городок «Комсомольского».

Девушки были ошеломлены напором пацанят, которые, ревностно исполняя свой долг, не пожелали пропускать «посторонних». Когда разобрались в чем дело, хохотали на весь пляж... А мое лицо, наверное, слилось по цвету с буденовкой - я был явно смущен, правда в темноте никто этого не заметил. Именно тогда я и сделал для себя один важный вывод: хоть ты большой, хоть маленький, но делай, что должен, и тебя поймут. Ведь это самое главное - чтобы окружающие тебя понимали...

В общем, дежурство по лагерю стало одним из значимых событий в нашей жизни. Через несколько дней после него приключилась с нами еще одна «шпионская» история. Если кто помнит, в 70-х на Въездной площади «Комсомольского» стоял вертолет. На самом краю площади, у обрыва к морю. Состояние его было, прямо скажем - не очень. Изрядно все-таки доставалось от любопытных мальчишек, желающих всего не просто коснуться руками, но, по возможности, и разобрать до винтика. Но боевая машина Ми-4 как-то еще держалась... Мы гордились своим геликоптером, так как у других лагерей ничего подобного не было. Правда, у пирса возле «Штормового» стоял морской зенитный автомат, но разве можно было сравнить его с боевым вертолетом?..

И вот однажды пацаны нашего отряда нашли в траве, на склоне, два

рюкзака. Они были плотно чем-то набиты. Воображение сразу же нарисовало тревожную картину: какие-то шпионы спрятали свое снаряжение на границе лагеря, явно замышляя что-то недоброе... Мы немедленно сообщили о своей находке комиссарам, те, из штаба, позвонили пограничникам. В ожидании наряда, мы осторожно перенесли таинственные рюкзаки в отряд и сложили на палубе. В то время в нашей стране еще не знали, что незнакомые предметы ни в коем случае трогать нельзя – а вдруг сработает взрывное устройство?

Весь отряд был взволнован, ребята перешептывались. На тех, кто нашел рюкзаки, смотрели как на героев. Но режим превыше всего, и после обеда детей разогнали по бочкам - на ПЧМ. Казалось, никогда так долго не тянулись для нас эти несчастные «полтора часа». Наконец они истекли, я выглянул на улицу и заметил, как по трапу на палубу поднимаются люди в камуфляжных комбинезонах. Оказалось, что посмотреть на нашу находку прибыли пограничники из дружины «Дозорная». Всех отогнали, и военные со всеми предосторожностями стали открывать опасные рюкзаки. Тишина стояла такая, словно люди оглохли. Море притихло, и даже чайки куда-то пропали. Ни звука! Но продолжалось так надолго. Напряжение снял сначала сдержанный, но тут же окрепший смешок. И вот уже нарастающий, безудержный хохот загрохотал над нашей палубой. Оказалось, что рюкзаки набиты... сухой травой!

Словом, «шпионской истории» не получилось. Спросите, при чем тут вертолет? Да все очень просто: вертолет-то военный. В кабине экипажа вместо удобных кресел пилотов стоят алюминиевые чашки с нишами для парашютов. Сидеть без парашютов на таких сидениях невозможно, а в комплектацию списанного вертолета они, видимо, не вошли. Вот кто-то и приспособил два мешка с сеном. А потом их выкинули из машины в траву... такая вот история. Уже в те годы я не мог равнодушно смотреть на технику, способную летать. Даже если она была навеки прикована к земле, как наш вертолет – все равно, меня к ней как магнитом тянуло. Надо же, как раз тем летом произошли события, которые окончательно определили мою судьбу. Прежде всего, это совместный экспериментальный полёт советского космического корабля «Союз-19» и американского «Аполлона» (программа ЭПАС) в июле 1975 года. Тогда по телевидению впервые показали тех, кто работает в Центре управления полетом, кто день за днем испытывает космическую технику. Фамилию одного из них я даже запомнил... Следил за его выступлениями по телевизору во время последующих полетов. Прошли годы. Я окончил школу, затем, в 1988 году, Ленинградский институт авиационного

приборостроения. Работать посчастливилось в НПО (теперь Ракетно-космическая корпорация) «Энергия» имени С.П.Королёва. И надо же такому случиться - попал в тот самый отдел и к тому человеку, которого, будучи десятилетним мальчишкой, впервые увидел на телеэкране! Прошло какое-то время, и я принял от него этот отдел. Защитил диссертацию, занимаюсь управлением полётом космических систем – орбитальная станция «Мир», Международная космическая станция... А вторым поворотным для меня моментом стала вот эта самая поездка в «Орленок» - буквально через месяц после завершения программы «Союз-Апполон». Иногда мне кажется, что эти события вовсе не случайно последовали друг за другом. Сама судьба связала их для меня одной нитью, и получилось так, что это очень прочная связь на всю жизнь...

Черепашья поляна

Поход: мы ждали его долго, готовились заранее. И все же этот день настал неожиданно - для меня это был первый поход в горы. Хотя, какие горы в Туапсинском районе? Так, предгорья. Однако для того, кто вырос на берегу Балтийского моря, эти «высотки» Кавказа казались настоящими вершинами. Одна мысль о том, что мне придется на них взбираться, вызывала внутреннее беспокойство. Честь и хвала нашим вожатым - комиссары Света и Таня готовили нас к походу заранее. Правда, мы поняли это не сразу. Все началось с небольшой прогулки по тропам, о которых мы даже не подозревали. Шли цепочкой, друг за другом - по лесу. Карабкались вверх, спускались вниз по осыпающимся склонам. Ничего сложного вроде бы не ощущали. А это была, оказывается, неназойливая подготовка по передвижению в гористой местности. Самое смешное, что тропы наши петляли вокруг «Комсомольского». Вошли в лес где-то за Эстрадой, обогнули Комиссарский городок и вышли на дорогу к строящемуся Дому вожатых. Всего-то!..

Потом был однодневный слёт туристов. В живописном ущелье Золотая щель. Не знаю, как там на счет желтых листьев осенью, но в тот сентябрьский денек ущелье было темно-зеленым от буйной листвы - без малейших признаков увядания.

Чтобы попасть в Золотую щель, надо было выйти с территории «Орлёнка». Мы двинулись отрядной колонной из «Комсомольского», прошли извилистой дорогой мимо «Штормового», пересекли стадион, но вместо Приемного корпуса направились в сторону школы. Я сразу не понял, куда

мы идем. Оказалось, что помимо известного нам пути из лагеря, есть и другой – по трубе, которая как раз проходила под трассой Краснодар-Новороссийск-Сочи, окаймляющей «Орленок» с востока. Одним своим концом эта труба была в нашем лагере, а другим выходила за его пределы. Интересно, сохранился ли этот путь до сих пор? Наша колонна вытянулась длинной лентой, которая потихоньку втягивалась в трубу еще в лагере. А на выходе из трубы мы попадали уже прямо в прохладный лес. Рядом звенела горная речка. Не помню, атаковали ли нас вездесущие комары, но нам, мальчишкам, точно было не до их укусов. Мы увидели, что по каменистым берегам речушки ползают крабы и бросились их ловить. Потом рассматривали и отпускали. Я тогда в первый раз увидел живого краба. Как-то не попадались они мне на берегах Балтики, а тем более в речках, которых у нас дома тоже хватает...

Пройдя несколько сот метров по тропе, мы оказались в настоящей туристической Мекке. Все здесь было приспособлено для специальных занятий, обучающих новичков туризму. Там-то меня и научили ставить палатку, разжигать костер, распознавать ядовитые растения. Помню, поразил рассказ-предостережение о траве амброзия. Мы узнали, что она очень вредная и коварная: оказывается, пыльца этой травы, которая появляется во время цветения как раз в августе-сентябре, способна вызвать у человека сенную лихорадку. Я вот до сих пор недоумеваю, если амброзия так опасна, почему же ее выбрали своей пищей олимпийские боги? Кто сказал им, что с помощью амброзии они обретут бессмертие и вечную молодость? Явно не инструкторы по туризму из ущелья Золотая щель...

Еще одно открытие того дня: чтобы разжечь костер и поддерживать правильно огонь, нужно познать целую науку. Мы овладели её азами, научившись складывать костер несколькими способами: звездочкой, колодцем, по-таежному и как-то еще. А главное - разжигать с одной спички. Не скажу, что впоследствии я не мог прожить без полученных знаний, но один раз, когда работал в студенческом стройотряде в Коми АССР и оказался в приполярной тайге, что-то мне все-таки пригодилось... А вот в походе, куда мы отправились на следующий день, костер разжигать не пришлось. Поход был однодневным, хотя и не стал от этого слишком легким. Пришлось карабкаться по руслу той самой речки, которая текла в ущелье. Шли по колено, а кое-где и по пояс в воде. Потом мы поднимались цепочкой куда-то в гору. Была поставлена цель - подняться к неведомой нам Черепашьей поляне. Воображение рисовало лесную поляну, на которой грелись десятки черепашек... Это, наверное,

многих из нас и подстегивало. Приходилось преодолевать себя. Подъем оказался крутым. Порой кто-то терял равновесие, и, казалось, вот-вот упадет, но в последнюю секунду всегда рядом оказывалась рука водителя или товарища по отряду, готового помочь, поддержать. Тяжело дыша, на последних, самых отчаянных усилиях мы все-таки поднялись на заданную горушку, правда, желанных черепашек на поляне не обнаружили... Зато с каким наслаждением растянулись на мягкой траве! Блаженство, испытанное при этом, стало лучшей наградой за нашу победу. Мы улыбались яркому солнцу, согревавшему нас, промокших и уставших – счастливее нас людей в тот момент точно не было на земле...

Наш правофланговый (жаль, не сохранилось в памяти имя) за весь подъем ни разу не выпустил из рук отрядный флажок, нес его как факел, которым указывал единственно правильный путь. И это не пафос, все было для нас очень серьезно. Надо было видеть, как светились гордостью глаза знаменосца, когда он водрузил наш скромный флажок на вершине!..

Мы еще не догадывались, что спускаться вниз будет труднее. Когда мы это почувствовали, стало страшновато, но никто не издал ни единого звука. Стиснули зубы и осторожно, страхуя друг друга, пошли...

В тот вечер вся наша команда впервые уснула без традиционного боя подушками, от которого обычно сотрясались стены нашей бочки.

Добрались до кроватей и попадали в них, как подкошенные – точно, как в первый вечер в «Орлёнке». Недавно мне пришлось восходить на сравнительно невысокую гору в Пиренеях – к развалинам древнего замка альбигойцев Монсегюр. Узкая скалистая тропка была очень похожа на те, по которым наш «Огонек» когда-то карабкался в Золотой щели. Не доставало только смолистого леса, бурного потока воды и верных друзей моего детства.

Впрочем, этого мне всегда не хватает...

«Орлёнок» на свете по-прежнему есть!»

Увы, в нашем отряде не было музыкально-одаренных ребят. Но песни любили все. Гитар, правда, тоже мы не имели, поэтому пели без инструментального сопровождения. Но песни от этого не казались нам хуже.

Для каждой песни было свое время и место. Например, «Вечер бродит» выводили нестройными голосами на «огоньках»:

...Год за годом пролетят года,

Но вот этот тихий теплый вечер
Мы с тобою не забудем никогда.

Петь старались негромко, так как нельзя было спугнуть то особое очарование южного вечера, которое являлась нам нежным шорохом свежей листвы, тихими всплесками ласковых волн... Потом мы смотрели друг другу в глаза, встав в традиционный «орлятский круг», обнимая за плечи товарищей по отряду. В глазах вспыхивали искорки нашей дружбы. А «Потомки Гренады» гремели, когда отряд вышагивал колонной по три, пытаясь идти в ногу...

Песня занимает особое место в нашей жизни. Она сопровождает нас от первой до последней минуты в «Орленке» - вплоть до прохода по «Лестнице слёз» под гром барабанов «Рассветного» и посадки в автобусы для отъезда. Песня повсюду, и непременно в пути, куда бы не шли орлята. Даже по дороге из «Комсомольского» в центральную часть лагеря непременно что-то поется. Совсем не по указке - просто особое настроение здесь у всех, душа сама поет - для себя.

В «Орлёнке» есть свои традиции и законы. Основные - это традиции доброго отношения к людям, песням, природе. На них строятся все остальные законы, которые учат нас дружить, быть верными и надежными друзьями, способными вовремя прийти на помощь товарищу. А наш отряд вообще жил под мушкетерским девизом, вслух о котором, правда, не говорили, но на деле следовали ему всегда: «Один за всех и все за одного». Может быть, сейчас это звучит несколько наивно, но мы жили именно так, и песни, такие как «Баллада о Валерке», призывали нас к тому же.

Самое удивительно, что шли годы, я рос, а незамысловатые слова той песни - «Ты обязан быть героем, если ты орлёнком стал...» - помогали мне в разных ситуациях нашей непростой жизни принять правильное решение, сделать точный и верный выбор. С грустью замечая, что сегодняшние дети поют редко, предпочитая слушать записи через плеер. А мы пели сами - и получали от этого особое удовольствие.

Традиция «орлятского круга» - феноменальное явление! Нигде подобного не встречал, не испытывал столь остро такого чувства единения со своими друзьями. Помнится, как-то уже студентом уезжал в Ленинград по окончании каникул. Как раз в это время на вокзал прибыл поезд из Москвы. Из вагона высыпали загорелые ребята, и я скорее почувствовал, чем осознал: да это же наши «орлята»! А когда они встали в знакомый до боли круг, я чуть не умер на месте - ведь зазвучал наш родной «Звездопад»! Так и замер камнем на соседней платформе, какое-то время

очумело смотрел на ребят, а потом совершенно непроизвольно начал им подпевать вполголоса.

Как же я им завидовал! По хорошему, по доброму. Дети были юны и чисты в своих действиях и, уверен, в помыслах тоже. И счастливы только оттого, что все вместе могут вот так обняться в «орлятском кругу» и спеть любимую песню...

Жаль, что сегодня многие наши песни стерлись из памяти. И в нынешнем «Орлёнке», наверное, не все они поются до сих пор. С одной стороны это, конечно, правильно: новое время, новые песни. Но в моём сердце навсегда останется нежно-щемящее чувство от тех песен, что пели мы неповторимым летом 1975 года у костра, в строю, в пути и просто в любое время, когда было хорошо на душе или когда приходилось преодолевать какие-то трудности. «Звездопад», «Баллада о Валерке», «Город Комсомольский», «Потомки Гренады», «Вечер бродит», «Алые паруса», «Надежда», «Солнечный марш»... И, конечно, «Товарищ» - это была наша отрядная песня. «Я песней, как ветром, наполню страну...» - эти слова всем известны. Но мы пели еще один куплет, который сочинили орлята в «Комсомольском», еще до нас. Там такие слова:

Послушай, товарищ, хорошую весть:

«Орлёнок» на свете по-прежнему есть!

И вновь комиссары, как прежде, в строю,

И вновь эту песню орлята поют!

С тех пор песни в моей душе ни на минуту не умолкают...

Взлет во всех смыслах

Вот интересно, какова судьба авиапарка «Орлёнка»? Когда мы шли на первую экскурсию знакомства с лагерем, меня поразила Аллея самолетов, которая мимо школы вела напрямик к Дому авиации и космонавтики. Техника стояла, как на аэродроме, и, казалось, была готова к взлету. Потом, когда начались уроки в школе, мы на каждой перемене детально изучали эти машины.

Итак, чем располагал «Орлёнок» в 1975-м: вертолет Ка-15, самолет первоначального обучения Як-18, истребители МиГ-21У (спарка), УТИ МиГ-15 (спарка), МиГ-15, самолет-амфибия Бе-12 «Чайка». А еще был вертолет Ми-4 на въездной площади «Комсомольского» - о нем я писал выше. Сколько же мальчишеского восторга вызывали эти изрядно потрепанные машины! А в вертолет Ка-15 я просто влюбился. Уже позже,

став студентом авиационного вуза, я узнал, что это была, в общем, не самая удачная в техническом плане машина. Но для меня тот вертолет был и остается идеалом совершенства. Интересно, что стало с орлятским экземпляром? Ведь их, практически, больше нет. По моим сведениям, сейчас на территории стран СНГ сохранилось всего два или три таких вертолета. А в «Орлёнке» они стояли, как на линейке аэродромной стоянки, готовые к взлёту. Повторяю, для меня этот взлет произошел во всех смыслах, ведь я теперь занимаюсь космосом.

К прощальному «огоньку» на тему «Расскажи мне обо мне» все готовились особенно тщательно. Мы даже немного побаивались этого «огонька», так как каждый должен был услышать о себе всё, что о нём думают товарищи по отряду. Друзья...

Именно друзья – ведь мы, можно сказать, сроднились за месяц той незабываемой смены. И уже начали осознавать, что друг, это не только тот, кто приятен. От друга, порой, можно услышать очень жесткие и неприятные слова. Но обижаться сгоряча на них не стоит. Потому что, если и звучат такие слова, то говорятся они искренне, а человек критикующий, в принципе, желает своему товарищу по отряду только добра. И всё же, тот «огонек» мы воспринимали, как испытание.

Испытание дружбы, в первую очередь. Испытание, который не каждый из нас мог выдержать. Мы ждали этого вечера и грустили, так как понимали, что смена идет к концу. «Огонёк» будет прощальным... Строго говоря, только в тот день я осознал, что это последний наш вечер в «Орленке».

Увидел на отрядном месте будёновку с приколотыми к ней орлятскими значками и все понял. Значки притягивали наши взгляды. Каждый втайне надеялся, что ему прикрепят к рубашке такой знак, который станет для человека на всю жизнь символом достоинства и чести. Но всё зависело от решения отряда, от мнения друзей...

Три десятилетия стёрли из памяти кое-какие детали. Однако я хорошо помню тот небольшой костер, который горел на нашем отрядном месте под первой бочкой. То были самые первые бочки Зелёного вала, немного в глубине от Комсомольской площади, где проводились линейки. Наверное, пожарные были бы недовольны, увидев такое вопиющее нарушение, но что теперь говорить? Мы сидели вокруг костра, наши лица освещали сполохи пламени. Неторопливо шел разговор. По очереди обсуждали поступки друг друга, достоинства и недостатки. Наверное, было много юношеского, даже детского максимализма, категоричности. Возможно, сейчас многое показалось бы просто наивным. Но так и должно было быть. Разговор ведь шел предельно искренний. Мы все доверяли друг другу –

так, как можно доверять только самым близким и верным друзьям. К концу «огонька» значков на будёновке не осталось. Но это не означало, что каждый приколот к своей рубашке этот самый дорогой для нас знак. Сегодня, когда мне уже немало лет, я думаю, что наше решение о недостойных такого значка двух-трех сорванцах было излишне категоричным. Может быть, даже жестоким. Осознание этого пришло много позже. Увы, на то были свои причины...

Мы сами задали высоту той планки, определяющей довольно серьезный уровень требования к себе и своим друзьям. Поэтому, если уж решили, что должны соответствовать этому уровню, то надо было его держать. Вот и получилось, что те, кто не осилил эту первую высоту, не заслужили доверие нашего пусть маленького, но очень серьезного коллектива – отряда «Огонек».

Дошла очередь и до меня. К сожалению, я не помню, что именно говорилось. Подозреваю, что и мне в какой-то момент пришлось за что-то краснеть. Или это были все-таки отблески костра на разгоряченных щеках? Не знаю. Но с последнего «огонька» в «Орленке» я уходил со значком и медалью. И с пылающими щеками – это точно. Сердце рвалось из груди – от нахлынувших чувств благодарности к моим родным товарищам-«орлятам», которые приняли меня в свою крылатую семью... Много дорог мне пришлось пройти по жизни. Все это время я носил свой орлятский значок какое-то время на куртке, а потом и просто в душе. Так вышло, что в какой-то момент он у меня потерялся. Я страшно переживал. Но позже нашёлся человек – настоящий друг, который увидев, как я расстроен, отдал мне свой значок. Более двадцати лет я храню его чрезвычайно бережно. Я понимаю: храню за двоих, как символ настоящей дружбы. А орлятская медаль лежит в шкафу. За долгие годы она поблекла и изрядно потерялась. Со временем к ней присоединились и другие солидные награды,. Но медаль за доблестные дела в «Орленке» для меня до сих пор самая дорогая награда.

Когда «орлята» плачут

Даже сейчас, спустя столько лет, мне непросто вспоминать наш последний прощальный день в «Орленке». А тогда дни летели, как в сказке, поэтому думать о том, что когда-то она должна закончиться, было просто невыносимо.

Казалось, что день расставания с лагерем и друзьями-«орлятами» не

наступит никогда. Что смена будет длиться вечно. Но вдруг наступило обычное утро, нас повели в Приемный корпус. Там мы переоделись в свою домашнюю одежду, не забыв приколоть к своим курткам и свитерам новенькие орлятские значки. Сдали форму, к которой привыкли за месяц... И вот тогда-то до нас дошло, наконец: да это же день расставания!.. Мы смотрели друг на друга и не узнавали тех, с кем на протяжении смены все время были рядом - так нас изменила одежда. Стало ясно: кончается сказка - добрая и счастливая. Ребята притихли. В «Комсомольский» возвращались без обычного веселого щебетания. Навстречу нам шли колонны других отрядов. Увидев нас без привычной формы, «орлята» понимающе замолкали. А у нас от такого сочувствия на душе становилось еще тяжелее... Когда дошли до своих бочек, появились первые слезы. Размазывая их по щекам, мы бросились спешно записывать адреса, обещая писать письма едва ли не каждый день... Наконец, прозвучало объявление об отъезде первой делегации. Все отряды заняли привычные места на линейке. Зазвучал марш десантников, и мы прошли на свое обычное место. Казалось, все как обычно, как на каждой утренней линейке подъема флага... Но было одно отличие. Рядом с вожатским отрядом «Родник» лицом к лагерю стоял отряд отъезжающей делегации, которая прощалась с «Орленком». Отзвучали напутственные слова, и колонна двинулась к Въездной площади, где ребят первой партии уже ожидал автобус...

Мы поднимались по лестнице, на ходу стараясь сказать друг другу всё, что не успели раньше... И тут барабанщики из «Рассветного» грянули «Солнечный марш» - самый красивый марш с перестуком барабанных палочек...

Ребята стояли двумя шеренгами на лестнице, образуя коридор, через который мы проходили к автобусу... Глотая слезы, попрощались... Автобус уехал, увозя на вокзал первую группу орлят. Остальные вернулись в лагерь - ожидать своего часа. Затихшие, печальные. Чтобы отвлечься от грустных мыслей пошли на пляж. Окунулись в теплое море, и печаль, действительно, отступила. Снова зазвучал смех, мы дурачились и веселились, почти не вылезая из воды... Но потом снова заиграла музыка и сцена прощания с новой делегацией отъезжающих повторилась.

«Орлятский круг», песни по заказу убывающих, слезы прощания, выход на линейку, проход через строй барабанщиков, последние объятия возле автобусов и долгое провожание взглядом коротких колонн автобусов, исчезающих за поворотом...

С каждым разом редели наши колонны на линейке. Я остался последним

из командиров отряда (кто бывал в «Орлёнке» в 70-х, тот знает, что командиры менялись каждые 10 дней). Двое других уехали одними из первых, и я снова занял свое место во главе отряда, когда в очередной раз зазвучал «Звездопад» и лагерь вышел проводить очередную делегацию. Так я выходил на линейку во главе тающего на глазах отряда еще раз три или даже четыре. Пока, наконец, не пришел мой черед...

В «Комсомольском» остались только вожатые-комиссары и делегация из Архангельска, которым выпало уезжать последними на следующее утро. Этим ребятам и вожатым, наверное, было тяжелее всех. Не представляю, каково жить в обезлюдевшем лагере...

Мы стояли в строю, вожатые спели на прощанье песни «Комсомольская площадь» и «Город «Комсомольский»... И всё. Автобус покати по дороге на Туапсе, на вокзал. «Город из солнечной сказки» растаял в темноте... Мы попытались спеть «Шоферов «Орлёнка», но ничего не вышло - песня затихла сама собой, голоса срывались... Я сидел у окна и вспоминал свой первый день в «Орлёнке». Он начинался тоже в автобусе. Но тогда впереди была радостная неизвестность...

Впрочем, в тот момент я еще не понимал, что и сейчас впереди меня ждала совершенно иная жизнь. Совсем не та, которая была до «Орлёнка». В той - новой жизни будет много всякого разного: в том числе и досада от непонимания окружающими, которые не всегда разделяли мое новое отношение к жизни, а как следствие - насмешки одноклассников... Но будут и прекрасные встречи с «орлятами» из городского пионерского штаба, куда я попаду вскоре после приезда домой. В тех ребятах я сразу почувствовал братьев по духу, что и неудивительно - мы же были теперь одной крови, единомышленниками... Все это я понял, только когда вернулся в Калининград. А пока, направляясь в автобусе на вокзал, смотрел в темное окно, за которым мелькали вечерние огни, слышал разговоры соседей, не особо прислушиваясь, машинально отвечал на вопросы, скорее всего невпопад... Но мысленно я все равно еще был со своими замечательными друзьями, не желая верить, что мы расстались сегодня навсегда. Я вспоминал обоих Сережек: из Верхотурья - Медведева и Комсомольска-на-Амуре - Нарыльнева. Лену Морозову из Анадыря - она единственная из всех нас, уезжающих, светилась от радости - предвкушала встречу с мамой и папой, которых не видела целых полгода. Поэтому, когда провожали Лену, никто не печалился, видимо, потому, что она сама не давала повода - смеялась, шутила. Эта девочка с далекой Чукотки стала в «Орленке» настоящим лидером - ребята могли пойти за ней хоть в огонь, хоть в воду. Так и осталась Лена в моей памяти светлым лучиком оптимизма и радости... Не знал я тогда, как теперь буду жить без

Алёши Бахтиярова из Уфы и Алеши Иргит из Тувы. Без вернейших друзей – наших вожатых Светы Раковой и Тани Бургановой... и многих-многих других.

Так я сидел, вспоминал - и вдруг перехватило дыхание, к горлу подступил тугой комок... В первый раз за весь этот тяжелый день я не сумел сдержать слез, разрыдался. Выходит, прав оказался тот самый первый наш провожатый - глубоким августовским вечером по пути в «Комсомольский» он пророчески пообещал, что в конце смены со всеми нами именно это и произойдет. Все будем в слезах - так и вышло. И при чем тут девчонки - «Орлёнок» не отпускал никого без слез, даже самых, казалось бы, закалившихся, заматеревших мальчишек, потому что запал в наши сердца навсегда. Только не подумайте, что слезы - какая-то слабость. Просто «Орлёнок» нас изменил настолько, что даже в своей прощальной печали мы уже были другими. Нет, я отчетливо помню, как из тех слез, из трудно переносимой грусти рождалось в душе нечто новое, доселе совсем неизвестное. Нечто такое, о чем я еще не задумывался. Назвать этот процесс можно, наверное, и как рождение личности...

Возвращение в круг

Прошли годы. Орлята выросли, стали взрослыми. У многих теперь свои дети и куча взрослых проблем. Только воспоминания об удивительной смене, проведенной когда-то в «Орлёнке», вызывают легкую грусть. Даже такие, казалось бы, уморительные события, вроде праздника Нептуна, когда сорванцам удалось искупать в море самого начальника лагеря, опрокинув в морские волны его «браневик» (буква «а» не ошибка и не опечатка, именно так было начертано на мотороллере уважаемого всеми Юрия Васильевича Буракова)...

Увы, неизбежно настает день, когда вдруг начинаешь отчетливо понимать, что «Орлёнок» не просто болезнь, которой можно переболеть и забыть. Нет, прививка «Орленком» - это на всю жизнь. Она всегда защитит от любых передраг и невзгод. И хоть тебе уже много лет, ты чувствуешь себя взрослым, вполне состоявшимся человеком, где-то глубоко в душе в тебе сидит восторженный мальчишка. А раз так, значит, самое время найти своих старых друзей. Вот и меня потянуло к общению с теми, для кого зов «Орлёнка» еще что-то значит. Дальше все просто: интернет, поиск по ключевым словам, форум на сайте Сергея Атаманяна «Место

встречи тех, кто был в «Орленке» (<http://ars-r.narod.ru>)... Воспоминания о милых мелочах, окружавших нас в незабываемом лагере, ощущение общности и... желанная встреча. В чём-то стихийная, в чём-то закономерная.

Решение прийти на встречу с орлятами разных лет для меня было непростым. Я трудно вхожу в незнакомые компании. Однако мои опасения оказались напрасными. С первой секунды встречи я понял, что вновь оказался среди своих старых друзей, несмотря на то, что видел этих людей впервые. Лёгкость в общении потрясала!.. Сразу вспомнилось, как на прощальном «огоньке» вожатые нам говорили: если ты встретишь на улице человека с орлятским значком, будь уверен - это друг, на которого смело можно положиться.

С тех пор прошло много лет. Немало иллюзий детства пришлось оставить в прошлом. Но орлятское братство оказалось совсем не иллюзией. На нашей встрече я вновь испытал удивительное чувство единения с людьми, с которыми связан всего лишь Значком. Не каким-то там раскрашенным кусочком металла, а Знаком – настоящим символом общего прошлого (хотя оно у каждого своё и, в общем, не похожее друг на друга), бережного отношения друг к другу в настоящем. Считаю, что слова вожатых, сказанные на «огоньке», сбылись. Орлятское братство - действительно чудо, правда, их тех, которые мы творим своими руками. Для себя и всех окружающих.

На той встрече я вновь ощутил себя в «орлятском кругу». И слева, и справа от меня были настоящие друзья. Мы доверчиво смотрели друг другу в глаза, чувствовали на своих плечах верные руки товарищей, были искренними и счастливыми. Я вновь пережил целую гамму очень сильных возвышенных чувств. Орлятское пламя не угасает!..

P.S. Несколько слов об истории этих записок. Я давно пытался разыскать кого-то из своего отряда «Огонек», но ничего не получалось. Пока, наконец, не вышел на сайт Сергея Атамаяна «Место встречи тех, кто был в «Орленке» <http://ars-r.narod.ru> Мне предложили написать воспоминания о былом, что я и сделал. После появления моего рассказа на сайте, я получил много откликов, но главное - нашел не только старых, но и новых друзей. С одним, например, мы не виделись более тридцати лет. Начали переписываться, правда, недавно связь прервалась. Надеюсь, что временно.

Через сайт я познакомился с хорошими людьми, стал участвовать во встречах «орлят» - то на квартире, то в лесу у костра. Чуть позже возник Форум «орлят» - <http://www.orlyonok.org/forum/index.php> Я принимаю

участие в его модерации. В, общем, стараемся не теряться. А главное – я вновь занял свое место в «орлятском кругу», где ощущаю себя востребованным и счастливым, как в детстве. И песню со всеми пою, которая вновь для меня стала жизнью:

Согревает единство телом,
Все теснее «Орлятский круг»,
Если надо помочь, если вдруг тяжело,
Помни: каждый твой верный друг!

Вот такая со мною вышла история...

[Достижения, творчество, статьи и прочая информации:](#)

[komandno-programmnoe-upravlenie-poletom-rossiyskogo-segmenta-mks.pdf](#)

[opyt-primeneniya-mashinnogo-obucheniya-pri-analize-seysmicheskikh-dannyh-dlya-vydeleniya-tektonicheskikh-narusheniy-v-razlichnyh-seysmogeologicheskikh-usloviyah.pdf](#)

From:
<http://archive-orlyonok.ru/> - **archive-orlyonok.ru**

Permanent link:
http://archive-orlyonok.ru/pionyry/komsomolskij/1975/andrej_kovalenko?rev=1730832452

Last update: **2024/11/05 21:47**

